

щиеся на западную «доморощенную» ученую традицию. И если алхимия и астрология, которые охотно изучают благодаря вошедшим в моду историческим детективам, пришли в Европу с мусульманского Востока, то сведения о физиогномике, лечебных камнях и травах сохранялись и переписывались и во времена поздней античности, и в эпоху варварских коро-

левств, и при дворе Карла Великого. Конечно, четко-го разграничения не было: многие труды по минералогии или распознаению человеческих свойств по внешним особенностям индивида переводилось с арабского. Но первенство все-таки оставалась за традицией, берущей начало в подлинных сочинениях Аристотеля и Теофраста. Энциклопедизм, «всезнание» — в положительном смысле — всегда оставались для европейского человека ориентирами, к которым следует стремиться. Поэтому не случайно на смену «Естественной истории» Плиния Старшего пришли «Этимологии» Исидора Севильского, книга «О природе вещей» Рабана Мавра и, наконец, «Великое зеркало» Винсента из Бовэ. Все, что относилось к сфере повседневного, отнюдь не пылилось на полках монастырей. Травники и сонники были в ходу у людей весьма светских, сохранившиеся рукописи свидетельствуют о том, что никто не ограничивал доступ к подобным сочинениям не только мужчинам, но и женщинам. Уже в XII веке появился свод рецептов по гинекологии и косметике, составленный, как считалось, женщиной — салернской докторессой по имени Трота, в существовании которой не приходится сомневаться.